

Владимир Мухомов

Здравствуй,
дружок!...

Воронеж
2006

Твоя поэзия, мне говорят, грустна.
А я другой как будто и не знаю...
Но грусть всегда, мне кажется, светла –
тоска черна, она подводит к краю.

Грусть очищает, как ни странно, лечит
и даже новой силы придает.
Спасибо, грусть, – с тобою человечным
мир остается. И живет, живет...

И – здравствуй, грусть. Тебя я охраняю,
ты – берег мой и тайный образок.
И, всякий раз на время оставляя
тебя, я жду – раздастся вдруг звонок...

Точнее – зов, чуть слышный и печальный,
и вовсе не похожий на приказ,
но он звучит немым напоминаньем,
что жизнь одна – сегодня и сейчас...

Наедине

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Годы летят, промелькнуло столетье,
Что там столетье – тысячелетье!..
Новые мысли, новые дали,
Мы незаметно новыми стали.
Хуже иль лучше – трудно ответить,
Но перемены нельзя не заметить.
Старых друзей мы теряем в дороге,
Новые люди стоят на пороге.
Кто вы? Поймем ли сегодня друг друга?
Другом ты станешь ли? Станешь подругой?
Прошлое мило, затра – далеко,
Нынче кому-то опять одиноко.
Было всегда так и, видимо, будет,
Кто-то запомнит, а кто-то забудет...

Декабрь 2001 г.

* * *

Весна проходит мимо нас,
Да что проходит – пролетает,
Сначала льдом и снегом тает,
Потом сиренью отцветает,
И все без нас, без нас, без нас...

Заглянет солнце в кабинет,
Прогонит прочь седые тени...
В окно проникнет трель свирели,
Но в этом мае и апреле
Опять нас не было и нет...

Весна, похожая на жизнь,
Природой связанная с нами,
Нам шепчет юными устами:
«Пришла... А вы решайте сами –
Парить иль опускаться вниз...»

* * *

Ты миром правишь, Женщина,
Повсюду и всегда!

Ты – небо, море пенное,
Далекая звезда...

Лукавая и мудрая –
Как чистая тетрадь.
Ты – легкая и трудная,
И близкая опять...

Какая ж ты желанная –
Спасительный бальзам...
Такая долгожданная,
Мой хрупкий талисман...

* * *

На слова, хорошая,
не скупись,
Занесет порошею –
берегись...
И при встрече станем мы
лишь кивать –
Наши чувства тайные
укрывать...
И прикрывшись маскою, –
почему?! –
Будем грезить ласкою,
как в дыму...
За улыбкой сдержанной –
вот беда –
Не узнаем нежности
никогда...

* * *

Любовь пугается упрека:
Она – дитя, она робка...
Так жесткой логики намека
Поэзии бежит строка.

Любовь не терпит результата,
И ясность не ее удел.

Она – в движении. Расплата
Мгновенно празднует предел.

Любовь, конечно же, беспечна:
Она секундами живет
И мертвый план не признает –
Вчера, сегодня, завтра, вечно...

Любви роднее бестолковость,
Отчаянье, надежда, хмель...
А коль иначе, ждите новость:
«Свернулся парус! Сел на мель...»

* * *

Не корите судьбу, не ропщите –
Она просто представила шанс,
Подвела и сказала: «Плывите!
Оживайте, да просто – живите,
Не впадая в губительный транс».
И добавила: «Но берегите
Голос, руки, дыхание, глаза.
Их в себе и другом полюбите.
Прикасайтесь... Друг друга щадите!..
Я – как ливень для вас, как гроза...
Кто-то скажет: «Себя потеряли!».
Им не верьте – себя вы нашли!
Отыскались! Ведь любящих мало...»
Вот опять на два меньше их стало,
В мире стало чуть меньше любви...

* * *

Вот опять я знакомым маршрутом иду,
Оживают события, чувства –
Так от века написано нам на роду:
Жить и прошлым, что тоже – искусство...
Отгуляв, город словно устал и притих:
Хоть огни сохранились на елках,
Но уже не услышишь бравурный мотив,

Не доносится речь без умолку...
И в душе, как на улицах, пусто теперь,
Сохранились обрывки мелодий.
Здесь взаправду любили, страдали, поверь,
Но скажи, что осталось в итоге?..
В том магическом круге у Красных ворот
Что задумали, бросив монету:
Продолженье дороги, крутой поворот
Иль без цели скитанья по свету?..

* * *

Эта тихая, сладкая грусть
По тому, что когда-то было...
Новый день наступил – и пусть:
Ведь минувшее не забылось.
Так бывает, когда в пути
Устаешь, – тяжела дорога,
А еще далеко идти...
Не спеши, отдохни немного:
Упади на траву спиной
И взглядишь в голубые дали,
И вдохни, ипусти покой –
Брата названного печали.
И, возможно, они оживут –
Дней тех запахи, дней тех звуки...
И, возможно, найдут приют
Утомленные от разлуки...

* * *

Любовь в коротеньких штанишках,
любовь в отроческих штанах
и в новомоднейших манишках –
без соглядатаев, без свах...

Любовь – забавные косички,
нейлон, капрон и каблучки...
Мир непонятный, непривычный:
томленье, глупые стихи...

Любовь – энергия без края
и сумасшествия полет...
Жизнь неожиданно другая –
кто пережил, тот все поймет.

Два полюса, два континента.
И нет вдруг – да, и да вдруг – нет...
Противоречия момента,
двух неизведанных планет.

Навстречу бег и друг от друга,
и притяжение, и отскок...
Не вырваться никак из круга
пересекаемых дорог...

ФАНТАЗИЯ

Два деревца росли в глуши лесной,
вершинами тянулись оба к небу,
сплелись кронами – и общей высотой
объединились Эсмеральда с Фебом.
Стволы сошлись, а внизу – покой:
ни ветерка, ни самой грозной вьюги.
Там путники вставали на постой,
там ждали суженых счастливые подруги...

* * *

Вот слово «был» – глагол совсем обычный,
в прошедшем времени употреблен,
и вроде смысл несет в себе привычный:
мол, видел, знал, участвовал... Но в нем
всегда таится грусть, уже хозяйка – вечность,
что в памяти твоей разбудит иногда
родные голоса и переклик сердечный,
дороги и поля, чужие города...

* * *

Двое в мире... Занавеска как прозрачная стена,
двери хлопают в общаге – целовались дотемна...
А в кармане шесть копеек, а домой – на край земли...

Радость утолил вначале, так печали утоли!
Город вскрикивал тревожно, город шинами шуршал
и фабричными огнями путь тернистый освещал...
Где бегом, где быстрым шагом –
ждал меня притихший дом,
с яблоневым чудным садом и с заборчиком кругом.

* * *

Я человечество люблю!
Людей свободных и красивых:
От них черпаешь в жизни силы,
Они и придают ей смысл...
И где-то Там живет наш Бог,
Он тоже – добрый. И – великий.
Возможно, Бог меняет лики,
Но я узнаю – коль придет.
В который раз меня спасет,
Опять утешит, приласкает.
Поняв, простив, опять растает...
Но обязательно придет!

* * *

Сектор Боли – больничная койка,
Сектор Воли – простой человек:
Растерявшийся, слабый, нестойкий –
На руках у родных и коллег...

Боль всесильна – она подавляет
Все желанья и чувства, увы.
Приходя-уходя, намекает,
Кто хозяин, вершитель судьбы...

Но когда человек с уважением,
Отнесясь к своей Боли, поймет,
Что в его непростом положенье
Только Вера и Воля спасет,

Все изменится. Правда, не сразу –
Не в минуту отступится Боль,

Не в секунду задавишь заразу,
Чтоб вернуть свою прежнюю роль.

Учит Боль, поясняет, внушает:
«Не гордись, не гляди свысока
И пойми: эта жизнь непростая...
Ухожу, не прощаюсь – пока!..»

* * *

Я не умею музыку придумать –
Владеют мной, увы, чужие звуки.
Воображаемой гитары тронул струны,
Но скрыты дымкою глаза, ресницы, руки...

Когда бы мог... Из шепота, молчанья,
Из шелеста листвы седых деревьев,
Из взгляда, вздоха, робкого касанья
Сложил бы тихий, медленный напев.

...Но вдруг мелодия рождается, тревожит –
Пока бесформенна – нагая, без одежды,
Пока таится, грустная, но все же
Звучит она... И дарит мне надежду.

* * *

Чем выше, тем меньше деталей –
растерян взыскующий взгляд...
Детали не важными стали –
их нам замечать не велят...

Чем дальше, тем меньше щербинок,
не видно ни рытвин, ни ям,
не видно соринок, морщинок,
оврагов и лысых полян...

Исчезли иссохшие речки,
пропали из виду дома,
что дымом чадающим из печек
сводили природу с ума...

Взлетели... И будней напасти
растаяли. Шар голубой
кружится...И мелкие страсти –
страстишки – исчезли... Домой?
«Домой!» – закричало сознание,
«Домой!» – застонала душа.
«Туда, к моему безобразью,
верните!» – рыдала, дрожа.

И трудно найти объяснение,
и трудно разумным понять,
как радостно хлябью осенней
идти и свободно дышать...

Непросто понять, как из сора,
из пыли веков – бытия,
но вдруг нарождаются споры,
и – шествует жизнь! Не моя...

* * *

«Хомини квэро! Хомини квэро!»...

Кто он – мудрец

или просто чудак?

Бродит Эзоп со свечою днем белым,

ищет кого-то, бормочет...

Итак:

старец, чье имя из древнего века

к нам прилетело

и стало родным,

все повторяет «Ищу человека!»,

смыслом сей текст

наполняя иным.

Что, неужели в его окружение

не было славных,

достойнейших лиц,

или же просто в его положение

наичистейших

взыскал он десниц?..

Или, к себя относяся стройжайше,
будучи смертным
и так же больным,
он упрекал и корил и нижайше
сам умалялся
пред ликом святым?..

О ЦЕНЕ И ЦЕННОСТЯХ

Всему всегда своя цена,
и каждый выбирает цену...
Цена сначала не видна,
но дайте срок – придет на сцену
и холодно предъявит счет,
назвав все пункты из бюджета.
Внезапно явится – и вот
ты узнаешь: кредита нету...
И эта, главная, цена
не выражается деньгами –
лишь судьбы требует она.
Мы ж судьбы выбираем сами:
ты все поставил на тельца?
Поскреб, увидел – позолота?..
Ты обманулся!.. Мудреца
высмеивал, ведь он работу
души и сердца воспевал,
а это ценится не очень –
все ждут немедленных похвал,
наград и денег, между прочим...
Всему всегда своя цена,
и каждый выбирает цену...
Всему всегда одна цена,
не подлежащая обмену.

* * *

Сон – приватная тайная жизнь:
Будто кто-то зовет к ответу
И уносит с собою ввысь
На неведомую планету...

Продолжение жизни – сон:
Забирает дневные страхи
И надежду вселяет он,
Даже если распят на плахе...

Сон всего лишь предупреждение?
Вновь, как пропасть, – к себе манит...
Вместе с радостью пробужденья
Он сомнение мне сулит.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Шестидесятые далекие –
Такие книжные, глубокие.
Теперь я вижу – настоящие,
И потому к себе манящие.

Шестидесятые наивные –
Еще сугубо коллективные,
Но вовсе пафосно не пошлые,
Теперь записанные в прошлое...

Шестидесятые упрямые:
«Всегда вперед и только прямо!»,
Но вовсе вы не черно-белые,
Сентиментальные и смелые.

Шестидесятые поющие,
Негромко нас к себе зовущие.
По-прежнему животворящие,
Нас берегущие, хранящие...

Я ВЕРНУЛСЯ В СВОЙ ГОРОД...

Я вернулся в свой город, но он не знаком...
Он не хуже – значительно лучше,
но повеяло вдруг на меня холодком –
город мой показался беззвучным...
Город мой, город мой, почему ты немой?

Почему мы друг другу не рады?
Может быть, потому, что ты стал дорогой:
украшают тебя эстакады
и гиганты-дома, и билборды реклам,
и авто на шикарных развязках?
Поделен ты во мне навсегда пополам:
Старый – Новый, в неоновых красках.
Ты сегодня, увы, не со мной говоришь
и иные ведешь диалоги,
ты все больше похож на Берлин или Париж –
вид вполне европейский, по моде.
Но я так не хочу отдавать, отпускать
тот – из памяти: тихий, нескладный.
Ты позволишь тебя иногда вспоминать
деревянным и низеньким, ладно?..

СЕ ЧЕЛОВЕК?

*«Человек – самый слабый тростник в природе, но
тростник мыслящий... Если бы Вселенная разда-
вила его, то все равно, человек был бы благороднее
того, что его убивает... Все наше достоинство
состоит в мысли. Только она нас возвышает, а не
то, что мы совершаем в пространстве и времени,
которых нам все равно не заполнить. Будем же
стремиться хорошо мыслить. Вот основа мора-
ли... Можно представить человека без рук, без ног и
даже без головы... но нельзя представить человека
без мысли. Это был бы камень или животное...»*

Паскаль

Добро и зло... Наверное, в Природе
всего должно быть поровну... Прогресс
нуждается в Закате и Восходе,
ему содействует как Ангел, так и Бес?
Пожары, войны, говорят «эксперты»,
Земле во благо: только после них
Мир очищается как будто бы от скверны... –
мне кажется, так мыслить может псих.
Животные животных пожирают

без угрызений совести? Я знаю.
Но разве это служит оправданием
Тебе, о, Ното, награжденному сознанием?

ВЕРА И СОМНЕНИЯ

Не наказание, а испытание – заповедь для гордеца.
Дабы стреножить мирские желания,
дабы не жаждать венца,
дабы смиренно терпеть все напасти,
мерный истории ход,
счастье твое или, может, несчастье –
так или наоборот...
Верная формула, если как данность
вечность признать и принять,
но непонятно, но все-таки странно,
хочется все же понять:
разве за то, что дано нам сознание,
взносом обязаны быть
плотские муки и духа страдания?
Каждый обязан платить?
Но идеал и расчет несовместны...
Верить в реальность Творца?
Верю в сомненья – они неизбежны –
и в неизбежность конца.

* * *

Краски светлые и темные,
звуки резкие и томные,
дни тяжелые, беспечные,
мысли легкие и вечные –
настроение летучее,
как песок, оно сыпучее...
Счастье горечью сменяется:
миг – и все преображается!
Было жарко – стало холодно,
было сытно – стало голодно,
было скучно – стало весело,

было мрачно – стало песенно...
Жизнь в полоску, черно-белая:
то лихая, то несмелая,
говорливо-молчаливая
или радостно-тоскливая...
Кто вокруг и в нас колдует,
то гнетет, а то чарует –
двухголовый, двухсердечный –
в этой жизни быстротечной?..
Жизнь и мир на антиподах:
умирании и родах,
на молчании и криках,
затемнении и бликах,
на закатах и рассветах,
на границе тьмы и света...

* * *

Плач ребенка – от обиды и от боли,
детский плач – защита и каприз.
Женский плач – от вековой неволи,
унижения и укоризн.
От невежества и бесчувствия,
от усталости и сочувствия...
Смех ребенка – от заботы и покоя,
детский смех – как теплый майский дождь.
Женский смех – как мерный шум прибоя,
шелестящая под тихим ветром рожь.
Смех от радости и беспечности,
от взаимности и сердечности...

* * *

Мы вышли из воды, мы, в общем, водяные:
ведь в целом из нее составлен организм...
Все люди на земле, все (толстые, худые) –
причастные к воде. Такой анахронизм...
Наверно, потому влекут нас водоемы,
у каждого из нас есть главная река –

будь пресною вода и будь она соленой,
будь мелкая она и буде глубока...
Шугуровка, Уфа – Уфимка в просторечье –
и Белая (она зовется Агидель),
и Дёма, как коса, укутавшая плечи
холмистых берегов, – сплошная канитель...
Я помню шумных брызг и глаз твоих сиянье,
хотя уже тому сорокалетний срок,
в том месте, где давно назначили свиданье
коричневый Сургут и изумрудный Сок.
Мне помнится прилив в подлунном Черном море,
и Средиземноморья вальяжная волна,
азовских чаек крик на голубом просторе,
балтийский холодок... Насытился сполна.
Но все же теплота российских малых речек
и ласковый охват их добрых, чистых струй
напоминает мне о времени беспечном
и дарит, как во сне, тот первый поцелуй...

* * *

«Атмосферные явления» – что за скучное название?!..
Разве можно обозначить так седеющий туман,
опустившийся на город, еще спящий утром ранним,
облаков чудообразных невесомый караван?..
Абрикосовое небо, изумрудные дождевики,
лепестков весенних клейких беззащитность и наив,
хрупкость жизни и ранимость у мерцающей снежинки
и пугливой малой речки прихотлививший извив...
Это все она – природа, по научному – натура,
это все она колдует и травую шелестит...
Да, конечно, «гео», «био», и система, и структура...
Только сердце почему-то, сердце бедное молчит...

* * *

Почему всё так стареет,
быстро приходя в негодность?..
Люди – тоже, словно вещи,
кои надобно латать.

Это очень раздражает,
оскорбляя благородство,
это тупо напрягает
(нынче можно так сказать)!
Вещи требуют ухода,
аккуратности, порядка –
вот и организм такой же:
надо штопать, подбивать...
Это просто возмущает,
потому что многократно,
потому что ежедневно
его надобно питать.
Нету, нету правды свыше,
да и ниже нету ладу...
Надоела осторожность,
как молчалинская нудь,
но с природой объективной
не поспоришь, нету сладу
с нею – грозной и великой...
Надо б вовремя заснуть...

* * *

Как будто слышишь: что за блажь?
стихи, картинки в эти лета!?
(Иной противник входит в раж –
лишь не хватает пистолета...)
Ну что сказать ему в ответ,
как объяснить природу хобби?
Ведь явной пользы явно нет,
а непрактичное не в моде...
Но пресловутый профицит,
но философия товара
нас не волнует – индивид
иного жаждет капитала.
Мой друг, немало в мире есть
мотивов ярких и зовущих,
чудес волнующих не счесть –
их разглядеть бы в днях бегущих.

Зима, допустим, за окном,
да не зима – волшебный случай:
дрожащий иней, дым столбом,
леса, сокрытые за кручей...
Весна... Из детства перезвон
капли вперемижку с солнцем...
Да, здесь, сегодня, за окном,
а лучше скажем – за оконцем...
И лета жар, и в сентябре
полет пурпурно-желтых листьев –
все в радость, и в календаре
ее мы постоянно ищем.
Цветы, животные, вода,
все звуки дня, все звуки ночи –
вот суть, вот главное! Всегда
так было, друг мой, между прочим...

* * *

Параллельные миры, параллели –
да, Эвклиду-старику стоит верить...
В человеке две живут ипостаси,
краски две подберем и покрасим.
И усадим народ за парту,
нанесем два кружка на карту –
мол, смотри, мол, пойми, упрямый,
два пути впереди и прямо.
Две судьбы, две страны, два народа –
кто обычных кровей, кто порода,
кто приближен к столу, кто на кухне –
от еды ль, от беды ль опухнет...
Лобачевские теперь не найдутся –
параллели никогда не сойдутся...

* * *

Как жалобно поёт труба,
как звук её всегда волнует –
в нём слышится упрёк,
мольба и беззащитность... Нас чарует

ярким синим летом –
голый, неодетый,
ослепленный светом...
Вспомнил вдруг о ноше –
повернулся круто,
но дороги больше
нету!.. Необутый
стал спускаться в яму,
даже в подземелье,
но дороги прямо
нету, к сожаленью...
А друзья навстречу –
равнодушно мимо...
Будто незамечен,
будто камнем в спину!..
Стены вдруг разверзлись,
почва шевелится
и чудовищ мерзких –
рожи, а не лица...
В сторону, в другую –
западня глухая!
К Богу он взыскует,
коль судьба такая...
Но и Бог не слышит –
видно, в наказание!
Уж предсмертно дышит,
уж слышны рыдания...
Но открылись веки,
вот и дрожь проходит –
это в человеке
сон тяжелый бродит...

The background of the entire image is a dense, out-of-focus carpet of autumn leaves in various shades of yellow, orange, and brown. A thin, vertical white line runs down the center of the image, passing through the text.

Из Дневника

Внуку Ростику

Пузыри разноцветные, мыльные
Улетают с балкона пыльного...
Дуй, малыш, – никого не спрашивай,
В меру сил этот мир разукрашивай!
Видишь: радуга коромыслом, –
Ведь и в ней ровно столько ж смысла...

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Что в первый раз – то искренне волнует
И в памяти эмоцией живет.
Не помним первый шаг, но первым поцелуем
Осенены – пусть много лет пройдет...

Что в первый раз? Восход, закат, дорога
И первый снег, и первый теплый дождь,
И первый друг, и встреча у порога,
И первая печаль, и первая любовь...

Как чистый лист пугает и тревожит!
Но он же и таинственно манит:
Он – чистый, новый, странный, непохожий,
Он целомудренно, загадочно молчит...

И мы, конечно же, космически рискуем,
Перо судьбы в чернила опустив:
Что выведем, напишем, нарисуем,
Каким получится у музыки мотив?..

Как многое случается впервые,
Как хочется всегда вперед и ввысь!
Мы все похожи, но мы все иные...
Начнем, рискнем, а там – рассудит жизнь...

* * *

Люди стояли молча, горели свечи
На маленькой, почти игрушечной
площади в центре Гранады –

* * *

Как не поддаться болезни и лени,
Не мельтешить, не растрчивать пыл,
Не предавать своего поколения,
Чтобы сказали: он был, а не слыл?!

Мелкие цели – одно лишь расстройство
(Мудрость такая – в глаз, а не в бровь!) –
Не обладают волшебнейшим свойством:
Нас будоражить и вспенивать кровь.

* * *

Новый год – это некий рубеж,
Это повод для мыслей о главном,
Это повод для робких надежд
И в семье, и в отечестве славном...

Это час, когда хочется быть
Добрым, щедрым и сентиментальным,
Не роптать, не канючить, не ныть
И не верить в успех моментальный.

Так давайте ж любимым простим
Те обиды, что были случайны,
В этом мире мы живы одним –
Явной близостью, близостью тайной...

* * *

...Он посапывает где-то у моего плеча,
уткнувши розовый нос в подушку,
нелепый и простодушный гость из Сиама...
Возник у порога, и, словно свеча,
засветилась в квартире – ушли потемки.
Из-за пушистого белого котенка
встаем теперь рано...
Как важен и нужен в доме малыш,
трогательный проказник и весельчак.
Его беззащитность – разве не так?! –
лучшая в мире охрана...

* * *

Одиноко страшно, страшно одиноко –
маленькое тело, смятая постель...

Человеку плохо, безысходно плохо –
некуда податься, хоть открыта дверь...
И лицо уткнувши в белую подушку,
сам с собой несчастный говорит часами –
не пропустят стены скромной комнатухи
покаянной речи, обращенной к маме...

* * *

Затянула женщина тихую протяжную –
музыки не надо, только тишины...
Люди замолчали, слушая уральскую,
пермскую народную, – лица смущены.
Не было неловкости, чарки отодвинули,
то – лечение радостью или чистотой...
Будто на минуточку твое сердце вынули
подышать, очиститься песнею простой...

* * *

Для России очередь, как для немца пиво:
Мы рождались в очередь, строем в школу шли,
«Ах, дойдет ли очередь, чтоб пожить красиво?» –
Гарнитуры-стеночки до небес росли...
Очередь за хлебушком в «кукурузном времени»,
Очередь за импортом, так сказать, «в застой»,
И машины в очередь, и квартиры бременем
Неподъемным кажутся: ведь не холостой...
И в больничку очередь, и в сберкассе очередь,
И на почте очередь – только бы успеть...
Где занять спокойствия, если льется в очи речь,
В уши, в сердце, в голову, что и не стерпеть...
Очередь на транспорте, очередь за книгами –
Наша жизнь талонная, ты почти прошла...
Клерками измучена, рожками и фигами,
Наша жизнь глубинная, как же ты пошла.
За окошком времечко, говорят нам, новое,
Говорят, изменится наш менталитет,
Говорят, рождается общество здоровое,
Говорят, что сбудется... Только веры нет.

КАНУНЫ

Студентам-выпускникам

Когда-нибудь, на склоне ваших лет,
 вы это время непременно вспомните,
 и с острой ясностью поймете вдруг, что нет
 светлей страницы в жизни-многотомнике...
 Вас запах юности встревожит, и тогда,
 возможно, в поезд сядете, и снова,
 оставив за спиною города,
 помчитесь в Северный, на Хользунова...
 И будет мысль пульсировать: «Нельзя,
 нельзя сегодня опоздать к уроку...
 Постой, будильник! Слышите, друзья:
 бегу, лечу, успеть хочу до срока!».
 И будет сердце радостно стучать:
 какими были и какими стали!
 И будете с печалью узнавать,
 кого в пути навеки потеряли...
 Но это в будущем (замри покуда, грусть) –
 вы все сегодня так бесстрашно юны.
 Жизнь перед вами! Собирайтесь в путь!
 Все впереди! А за окном – кануны...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Во время Великой Отечественной войны Петергоф
 был занят немецкими войсками, и главный фонтан
 Большого каскада «Самсон, раздирающий пасть льву»,
 бесследно исчез. Фонтан-монумент восстанавливали
 по довоенным фотографиям под руководством скульп-
 птора Симонова. Самсона хотели везти частями, но
 затем установили в полный рост в кузове автомо-
 били и повезли через весь город. Тысячи людей стали
 стремительно стекаться к Невскому проспекту.
 Такой стихийной демонстрации страна еще не знала.
 Скульптор, сидевший у подножия восстановленного
 колосса, плакал, глядя на ленинградцев, переживших
 блокаду, – изможденных, слабых, но счастливых...*

Не знал такого раньше Ленинград...
Бежали люди толпами на Невский,
куда вступил как будто на парад
Самсон могучий, пламенный и дерзкий.
Его, уже убитого войной,
вновь возродил из бронзы русский скульптор –
пока еще без краски золотой
он все ж блистал, залитый солнцем утра.
И плакал мастер, на людей смотря,
и люди вторили, рыданий не стесняясь, –
Самсон, свободой вечною горя,
плыл по Проспекту, в лужах отражаясь...
То был победный, долгожданный ход,
как крестный путь счастливого финала –
голодный и измученный народ
кричал, бежал... И места было мало...
Самсона проводили в Петергоф,
забыв на миг про боли и про беды.
И вновь воздвигнут памятник Петров –
ожил фонтаном, празднуя Победу!

ПОСЛЕ АВАРИИ

I
Паренек, ты как будто совсем и не понял,
что случилось с тобой, что стряслось...
Уезжал, удирал, убегал от погони,
да не смог... И сбылось что сбылось.

Но тебя сохранили небесные силы,
оградили от взгляда во сне...
И кого-то другого похоронили
в этот миг на любимой земле.

Но: живое живым – жесточайшая фраза...
Мог отряд не заметить бойца...
Беззащитны, увы, от недоброго глаза,
но хранимы незнанием конца.

II

Что-то я притомился от боли,
от борьбы за здоровье свое...
Не осталось ни сил и ни воли,
нету голоса крикнуть «Даешь!»

Испытание за испытанием:
то спина, то нога, то живот...
Мнится даже глухое роптанье,
недоволен как будто народ:

«Понемногу, поменьше, потише,
поскромнее, полегче, пониже...» –
вот программка (разумнее нет).
А нельзя ли обратный билет?

Там, на станции «Молодость» – счастье:
ни забот, ни тревог, ни ненастья,
руки целы, ключица крепка
и блаженный ухмыл дурака...

ПОСЛЕ ГАЛА...

Медленно масса втекала за дверь
в зал, где гремели там-тамы,
зубы какой-то невидимый зверь
скалил – предвестник бедлама...

Флуоресцент разливался кроваво,
белые вспышки давили на глаз,
тысячезвонный – и слева, и справа –
ор возникал и раздавливал нас.

Крики и визги и телометанья
в зале, на сцене, за ширмой кулис –
сколько энергии, сколько старанья
выказал, выплеснул постмодернизм!..

Спряталось где-то несчастное слово,
смысл боясь обнаружить в толпе.
Где ты, придешь ли, появишься ль снова?
Где схоронилось, в какой скорлупе?..

В КАНУН 46-го...

Т.А. Ревтовой

Последняя неделя в декабре –
когда все люди ожидают сказки,
оранжевых подарков в коже,
веселья в серпантине, мишуре,
в костюмах, платьях, в новогодних масках.
Страна уже победою жила –
салютами и новым возрождением.
Она еще разрушена была,
но так желала счастья и тепла,
что пробуждалась с каждым возвращением.
Всё возвращалось: радость и покой,
и мирные застолья, и беседы –
слова простые «дом», «дома», «домой»,
«любимая», «любимый», «милый мой»
вернула долгожданная Победа.
Так сладко было этим людям ждать
дителя, зачатое на грани тьмы и света,
и так светилась тихим счастьем мать,
отец растерян в муках, как назвать
его, ее – Иваном, Марьей, Светой?..
Как будто слышим этот детский плач,
как будто видим – вверх взметнулись руки,
все позабыто: голод, страх и муки,
не будет расставаний и разлуки,
а будет Жизнь! Труби всю трубач!

МАСТЕР

Виктору Гаагу

Мастер, Мастер, что придумал,
что припас на этот раз?
Где-то стукнул, где-то дунул

и – готово: высший класс!
Ты достоин восхищенья,
Мастер, скромный мужичок,
и цены своим твореньям
сам не знаешь, простачок!..
Только Мастер выпекает
лучший в мире пирожок,
лучший Мастер обувает
нас в удобный башмачок.
Без единого гвоздочка
Мастер строит теремок,
в нужном месте ставит точку
Мастер прозы. И смычок
только Мастеру подвластен –
пилит им и день, и ночь,
вызывая бурю страсти...
Не пытайтесь превозмочь,
если труд упорный тошен –
мол, везет же чудаку, –
и талантливый негоже
ждать удачи на боку...

* * *

И у городов бывает запах –
значит, город тоже организм!
Кожа у него, глаза и лапы,
не лишен сомнений и каприз...
Подружиться с городом непросто,
городу полюбится не всяк:
можешь в нем родиться, жить лет до ста –
да вот не подружишься никак...
Город как собака – чует наших,
в кровь дерется город за своих,
то есть много соли, много каши
съесть с ним надо, скушать за троих...
Город – женщина, что точно знает,
если любишь искренне ее,
если нежно трогаешь, ласкаешь,

если шепчешь: мой, моя, моё...
Город отзывается на ласку
и берет любимых под крыло...
Город-запах, город-голос, краска-
город, счастье и зло...

НО ДОЖДЬ СТУЧИТ О КРЫШУ..

*То были капли дождевые,
летающие из света в тень.*

*По воле случая впервые
мы встретились в ненастный день...*

Арсений Тарковский. «Ночной дождь»

Он пел про дождь ночной,
о встрече и потере –
мотив совсем простой,
слова просты, но верю...
В ненастный верю день
и радугу на восходе...
Я вижу капли в тень
из света переходят,
я верю в тот туман,
повенчанный любовью;
туман – смутьян, обман –
всего лишь предисловье...
Прошло так много лет,
лет много миновало,
но написал поэт:
жила, жила, но мало!..
И капельки дождя
слезам он уподобил,
и вроде бы нельзя
сказать так – возраст вроде...
Но он же написал:
«Далёкий голос слышу...» –
как будто бы финал...
Но дождь стучит о крышу...

* * *

И этот фильм, и эта музыка,
актер, которого уж нет,
и голос будто бы простуженный,
и черно-белый полусвет
мое встревожили дыхание –
я замер, чуточку боясь
вспугнуть одно воспоминание,
порушить ниточную связь...
Оно, неявное, ажурное,
неуловимое почти,
такое празднично-лазурное –
не оторваться, не уйти...
И это солнце, это дерево,
и этот жаркий тротуар –
все было, но почти не верю я,
что было... Матовый муар...
И вновь в то время возвращаюсь,
и вновь задумчиво молчу,
и где-то глупо улыбаюсь,
и на мешающих ворчу.
...Мы пациенты добровольные
(воспоминанье как бальзам) –
растроганные и довольные...
Заметно сразу, по глазам...

От заката
до
рассвета

* * *

Время-времечко – что за материя?
Говорят, оно мчится быстрее...
Понимая умом, все же не верю я,
Что уже пятьдесят, хоть убей...

Ах, ты, времечко-время, обманчивое,
Вызываешь и трепет, и страх:
Ведь себя ощущаю я мальчиком,
Хоть другим предстаю в зеркалах...

Время сильное, времечко мудрое,
Расставляешь ты все по местам:
Тень ночную смахнув светлым утром,
Вновь ты судишь людей по делам...

ПАМЯТИ А.Т. СМЕРНОВА

Друзья уходят... Вот и ты ушел...
И смотришь с укоризною со снимка:
«Ну, как вам нынче – плохо, хорошо –
В условиях наступающего рынка?

Что завтра предпочтете, мужики, –
Служенье музам или служенье власти?
Игру ва-банк, а, может, в поддавки,
Колоду набивая ходкой мастью?..

Так все-таки пока гореть свече?..
Наступит утро и пройдет ненастье?»
...А дочка тихо плачет на плече,
Впервые заглянувшая в несчастье.

22 февраля 2003 г.

* * *

Черное на белом – грустно,
Человек ушел – пусто...

Люди собрались молча:
Кто на мир навел порчу?
Лучшие ушли стайкой –
Каждый со своей тайной.
Нам осталось жить порознь –
На костер нести хворост...

* * *

Жизнь коротка – теперь я это знаю
(Плати за право мыслить, человек!)...
На что же нынче, мудрый, уповаю,
Чем успокоюсь, доживая век?

Всесильно Время, неостановимо
Печатает трагически шаги:
Казалось медленным, теперь неумолимо
Набрало скорость, делая круги...

Его бы раздробить до бесконечности,
Вписавшись плотью в каждое мгновенье,
Остаться – здесь, сейчас, а значит, – в вечности,
Найти в привычном счастье со-творенья...

Но мысль заиклилась на дне минувшем
Или галопом в будущее мчит...
Сегодняшнему дню ты будь послушным,
Мгновению – оно не огорчит!

* * *

Увы, все больше грустных дней:
Сошлись в очередь потери...
Привыкли к смерти... В общем, к ней
Все движемся – стоим у двери...

На входе в мрачный гардероб
Стоит суровый гардеробщик
И вынимает номерок,
И выдает... Никто не ропщет.

Раз так – не стоит торопить
Судьбу, печалиться заране.
Раз так – мы будем просто Жить!
Жить, избегая предсказаний!

* * *

Зачем ты, грешный, протестуешь,
Обиду детскую таишь?
Не трать усилий, нервов все –
Закон другой не сотворишь...
Навеки поселилась дума,
И с нею продолжаешь жизнь.
Подобно тяжелой доле груга,
Свой груз везешь – на том смиришь...

* * *

Небогатое наше детство –
Черно-белое наше кино...
Тех, с кем жили мы по соседству,
Разметало по свету давно.

Пожилые, молодые,
Неродные и родные –
На Земле и в небесах,
Превратившиеся в прах.

И беспечная юность, и молодость,
Те счастливые темные ночи –
Когда в холод совсем не холодно
И не голодно, между прочим.

Пожилые, молодые,
Неродные и родные –
На Земле и в небесах,
Нас тревожащие в снах.

На пороге маячит старость...
С нею спорим, и память детства
Нам в подмогу. Она осталась –
Нерастраченное наследство...

Пожилые, молодые,
Неродные, но родные.
Вот и мы почти седые,
Но живые, но живые!..

ПОКОЛЕНИЕ

Повстречавшись, друг друга узнаем,
Потому что мы общее знаем,
Потому что мы общее любим –
Унесем, сохраним, не забудем...
Наши батьки – прошли всю войну, –
Славно выпив, поют Целину...
Самодельный ковер, на комод
Грустно выстроились слоники (в моде!),
На обложках журналов цветные
Белка, Стрелка...
Совсем молодые
Наши мамы поют про Саратов,
Где живет кавалер, но женатый...
Кристаллинская, Пьеха, Гагарин,
Жан Маре, Битлз, Хиль...
Вроде, стали
Жить получше: болонья, капрон,
У соседей – «Рекорд», телефон!
Нас спасала картошка, но разве
Вы сегодня представите в праздник
Эту радость: в заветном кульке
Мандарин и зефир!
В кулачке
Зажимаешь красивые фантики –
И несешь однокласснице в бантиках...
Взяв коньки напрокат, нарезаешь
На «Гастелло» круги и не знаешь:
Может, битый придешь, может – нет
(От уфимской шпаны много бед)...
Ободзинский, Делон и Высоцкий,
«Песняры», КВН и Тарковский,
Стройотряды, хоккей, водолазка,

Брюки-клевш, в универе подсказки,
И романы, и свадьбы, и дети
(За которых всегда мы в ответе!)...
Брежнев и похоронные сводки,
Горбачев, покушение на водку,
Вечно пьяный Борис и реклама,
Смерти близких друзей...
У экрана
Нашей жизни стоим, наблюдаем,
Что же дальше нас ждет?
Мы не знаем...

* * *

День рожденья – день сомнений,
День желаний и тревог,
Ласковых прикосновений,
Ожидания дорог...
День цветочный, поцелуйный,
День хвалебный, день хмельной...
Но минует час разгульный
И наступит час иной,
Одинокий час – опасный,
Смутный час среди тиши.
Не спускайся – труд напрасный –
В зазеркалие души...

* * *

Как всегда, закупала вино,
Запасалась нехитрой закуской –
Так из века заведено,
По традиции нашенской, русской...
Будет стол и дежурные речи,
И дежурный подарок коллег –
По привычке так будет отмечен
День, когда родился человек.
Улыбайся, туши лихорадку,
В платье новом сияй в зеркалах,

Не смотри в них печально украдкой...
Все в порядке! Ты нынче – на Ах!

* * *

Об ушедших – ни слова худого!
Промолчи, даже если невмочь,
про себя – что же в этом такого? –
побеседуй, чтоб сердцу помочь.

Может быть, в нем обиды скопились
(да и сам был не раз виноват)?..
Если мелочи не забылись,
не пугайся, что, мол, – психопат...

Да, нельзя повернуть истории,
но одно успокоить должно:
если с ними по-прежнему споришь,
они – живы, пусть нет их давно...

* * *

Сыну Василию

Сорок лет, сорок лет
как отца уже нет...
Сорок лет – это целая жизнь.
Сам полвека назад
появился на свет...
Полстолетия! Тревожная мысль...
Как тропинки зимой,
замело, замело
и глаза, и слова, и лицо –
я все реже теперь вспоминаю его
и наш сад, и наш дом, и крыльцо...
Но тетрадки в линейку
обнаружились вдруг –
плод его беспокойных ночей,
и мне стало тепло:
я увидел, как внук
удалился в них, словно в музей...

* * *

Сыну Константину

Уходит человек, и часть любви уходит,
И этот скорбный плач, конечно же, о вас:
Чем ближе были вы, тем искреннее слезы,
Но слово «навсегда» придет не в этот раз.
Оно настигнет всех – так ясно и так грозно,
Что хочется сказать заранее: удержись!
И – к каждому придет. Да, рано или поздно.
Возможно, через год, возможно, через жизнь...

* * *

В бетонно-каменных темницах
что чаще человеку снится?
Вода, деревья, небо, птицы
и бег – из детства – колесницы...
Проснувшись, хочет вновь забыться
и в сон вторично погрузиться,
где отражением водица
играет, плещется, искрится.
Пьет и не может все напиться...
Криница вечностью струится...

ИЗ ДЕТСТВА

Тонконогий и кудрявый скачет полем жеребенок,
видно, мнимая свобода обуяла стригунка...

Но как будто вскрикнул «Мама!» –

ведь еще совсем ребенок,
ведь еще не знает воли, ведь молочный он пока...

Постоял малыш и круто повернул – тропинка к дому,
к яслям, к сену, к глыбе соли потянула, и опять
рядом с красной кобылицей по дороге по над Доном
он гарцует наш беспечный – разве можно устоять?..
Разве можно быть спокойным, если запахом полыни
и волнением ковыльным переполнен?!.. И кнута
тот малыш еще не знает... Ни тревоги, ни унынья,
ни поводьев, ни уздечки, ни седла, ни хомута...

* * *

*Некоторые ученые пришли к выводу, что старость
– это просто болезнь. Человек, оказывается, вечен, но
его организм постепенно разрушает некая программа.
Если ее разгадать и контролировать, то смерть будет
наступить лишь в результате несчастного случая...*

Вечный, вечно, вечность,
то есть бесконечность...
Пытка или награда?
Надо или не надо?..
Ведь ошибка кода –
кара для народа.
Перепрограммировать –
вечностью премировать!
...Люди-недотроги
гибнут на дороге,
полных сил в расцвете
тонут на рассвете...
В бесшабашной драке
нож блеснул во мраке –
вечно молодые
стали неживые...
Ты не верь в удачу –
затаись на даче,
в тупике таежном
сохраниться можно...
Лишь вопрос невольный:
больно иль не больно?
Как уйду: мгновенно
или постепенно?
Знать немаловажно:
страшно иль не страшно?
О грядущей травме –
ничего в программе...

В дороге

* * *

Жизнь моя – двадцатый пятый поезд,
комфортабельное купе...
Я заранее в нем устроюсь,
и устрою все по себе:
Разложу аккуратно вещички,
облачуся в дорожный костюм...
Ну когда ж тепловозик засвищет,
ну когда ж зазвучит ноктюрн?
Вот уже миновали море,
и берез отошла черед –
Я в дороге – и я спокоен,
дорогие мои поезда.

* * *

Соберу нехитрую поклажу,
Сделаю последние звонки,
Споры на бегу еще улажу
И адью!.. «В дорогу, мужики!».
Окружная выведет на трассу,
Буду с облегчением молчать,
Про себя подумаю: «Прекрасно –
За стеклом такая благодать!».
Впереди осины, как ресницы
У притихших мартовских полей,
И дорога убегает, мчится,
И столбы мелькают все быстрее...
Но куда торопишься, парнишка,
От чего и от кого бежишь?
Обожжет предательски мыслишка:
«От себя!». Да разве убежишь!?
Все равно: пусть – мнимая свобода,
Пусть всего неделька впереди.
Отдохнуть! От шума, от народа...
Убегай, дороженька, беги!
Полечи, подруженька, туманом,
Высотой неба полечи,
Я послушным пациентом стану

(Друг-водитель, милый, помолчи)...
Отлегло... Ну что ж, врубай приемник,
Новости ужасные включай:
Вот еще один шахид-покойник,
Вот пришел политик-негодяй,
Вот опять реформа для народа
Да других несчастий череда...
И со мной заплакала природа:
Не удрать, не скрыться никуда...

* * *

Кучугуры, Кучугуры,
Кучевые облака...
Не скупяся, баба Шура
Нацедила молока,
И внимательно смотрела,
Грустно голову склоня,
И как будто бы жалела
Эта бабушка меня:
«В городе таком огромном
Парень сызмальства живет,
Но одет уж больно скромно –
Видно, взятки не берет...».
И вздыхала, провожая,
Говорила, что сама
Город тот не уважает,
Хоть и в нем живет кума:
«Фулюганов, бедокуров
Расплодилось, просто страсть!..» –
Очень рада баба Шура,
Что в деревне родилась.

* * *

Минути затишья – покой иль тревога?..
О чем же молчишь ты, немая дорога,
О чем размышляешь, огнями мигая,
Забота тревожит иль дума какая?..

* * *

Вновь с дорогой-подругой заведу я беседу –
Из Воронежа в Курск на денечек поеду.
По бокам, как в охране, все столбы-коромысла,
В этом скромном пейзаже

столько скрытого смысла.

Вот осины-ресницы в виде лесополос,
И лишились поляны в марте белых волос...
Как покойна земля перед новым зачатием,
Скоро вешние воды затемнят ее платье,
И под солнцем горячим жди зеленые всходы,
А потом принимай долгожданные роды!

Времена
года

* * *

Как же так: не знать, не видеть снега?
Это же очарованье, нега!
Тихо падающий снег, он – как дыханье,
Шепот-снег и снег – твоё молчанье...
Голубым бывает он и розовым –
В поле, в ельнике, в лесу березовом...
Снег – как укрепляющее средство,
Лекарь-снег, вернувшийся из детства...

* * *

Долго-долго болела природа:
Обливался слезами январь...
И погода была непогодой,
И зима не зимою, как встарь.

Наконец отыскавши лекарство,
Ожила – чуть спокойнее стала,
Ободрилась, и в зимнее царство
Пригласила, вздыхая устало.

Опушила зеленые ели,
Шалью белой укрыла поляны
И сказала мятежной метели:
«Отдохни, не неиствуй так рьяно».

И деревья подставили руки –
Согревает их снег, будто маленьких...
Тишина... Лишь знакомые звуки:
Снег ворчит, подминаемый валенком.

* * *

Простые истины и вещи, простые запахи и звуки –
из них «монтируется» вечность, хоть это и не «по науке».
Глас воронья в сосновой роще
(среди зданий сохранилась чудом!) –

сложнее кажется и проще вернуть,
 что прячется под спудом...
Как в детстве, заглядевшись в небо,
 представить яхту с парусами,
под перевернутой телегой
 травинки изучать часами,
смотреть на воду молча, долго,
 стеречь пугливых жеребят,
бродить как будто бы без толку
 в лугах в компании ребят,
ждать молока в холодной кринке,
 есть хлеб и яйца из печи...
Пастух и стадо на картинке – ни звука...
 Сколько не кричи...

* * *

В марте поздняя зима – разведённая жена:
ведь как будто бы ушла, а злится...
Решено, пожалуй, всё, но, сварливая она,
и скандалит, и всюю бранится...
Был желанным первый снег,
 был он в радость, но теперь –
надоела канитель-морока...
А упрямая метель занесла входную дверь –
не пробиться, не уйти до срока...

* * *

И какой-то серый день, и какой-то серый цвет,
и на улицах нерадостно и пусто...
Оттого ли, что зима затянулась – солнца нет, –
неуютно стало в городе и грустно...
Вот и птицы не поют, криков детских не слышать
и машины – как медведи в спячке...
Оттого ли, что за мглой горизонта не видать,
растревожилась душа-болячка.
Дней унылых череда, одинаковых забот,

одинаковых людей, событий –
как степная канитель, где желанный поворот
так далёк, и не видна обитель.
Но ведь тучи уплывут, но ведь город оживёт,
но ведь люди всё равно проснутся.
Испарится грязный снег и пичужка запоёт,
и весёлые деньки вернутся.
И покажется тогда, что дорога не трудна,
налетевший ветерок приятен,
и усталость не сильна, и погода недурна...
Всё изменится, поверь, приятель!

* * *

Ну, когда же ты, Весна, наступишь?
Ну, когда же побегут ручьи?
Землю с наледью когда разлучишь –
дни и ночи наступили чьи?..
Или ждёшь, Весна, указа выше?
Так давно тебе даны права,
и зима уже на ладан дышит –
не права старушка, не права...
Медлишь Ты, а ведь народ угрюмый,
в раздражении живёт народ,
он и так охвачен вечной думой –
освети ж собою небосвод!
Зачерпни побольше синей краски,
жёлтой и зелёной не жалей,
от тебя все ждут тепла и ласки –
приходишь ж, кокетка, поскорей!

ВЕСНА НА НЕВЕ

Ледоход на Неве, ветер гонит с моста,
а вокруг знаменитые зданья,
а вокруг удивившие в детстве места
и зовущие вечно к свиданью.
Вот и свиделись, вот и рука в руке,

и в груди, как всегда, волнение –
как в письме торопливом: строка к строке,
а меж ними живёт сомнение...
По-весеннему шпиль засверкал, заблистал,
дав забыть, что венчает темницу,
он ведь тоже, наверно, чертовски устал –
столько видел, что нынче не спится...
Было – стало... А завтра? Что в будущем ждёт?
Перестук каблуков убегающий...
А дорога молчит, а дорога ведёт...
Город смотрит на лёд умирающий.

* * *

Вдруг холод, а черёмухе как будто невдомёк:
цветёт и одурманивает местность –
как будто бы спала, но солнечный намёк
учла, окрасив скучную окрестность.

Вся в белом! Но и ветер разозлился – вот чудак,
срывает кисти робкие нахальный.
Не знает шалый ветер – хулиганистый простак,
что это у неё наряд венчальный...

Но ничего... Невестушке придётся привыкать,
да и она сама стремится к лету:
красива и светла, как будущая мать,
и ждёт... Не веря в силу пустоцвета.

* * *

У весны голубые глаза –
В них испуг ожидания лета,
В них блеснула вдруг робко слеза...
Без причины, без слов, без ответа?..
Содрогнулось тело весны –
И грозой разразилась, сверкая...

Ледовые оковы тесны:
Разлилась половодьем, нагая...

* * *

... А на улице дождь, дождь, дождь,
Даже ливень – внезапный, теплый,
Вперемешку с солнцем – как же хорош!
И народ – счастливый и мокрый...

Через лужи и лужицы – скок, прыг, скок...
Как смешно и радостно стало!
Весь до ниточки я промок,
А еще впереди три квартала...

Но вот ливень устал, и с зонтов – кап, кап, кап.
Город влажный, умытый, чистый...
У стихии таков масштаб –
Водопады штурмуют таксисты...

* * *

Тихо мимо городка
Нас несет река Ока –
Теплоходик старенький,
Не большой, не маленький.
Людом праздничным корма
Перегружена весьма,
В голубой рубашке
Там и я вчерашний...
Свадьба вышла на Оку,
Внемлет радостно гудку –
Разряжая скуку,
Капитан дал звуку!
На хорошей, на волне,
На серьезной глубине
Загорают рыбаки,

Почитатели Оки.
На высоком берегу
Храмы и лабазы,
Мы Касимов на бегу
Видели три раза:
После ливня теплого
Тротуары мокрые,
Лужицы сверкают,
Небо отражают.
Но покинув городок,
Вырвались на волю:
Обдувает ветерок –
Мы бредем по полю...
В поле небо высоко –
Посетили грезы...
Нам покойно и легко,
Так откуда ж слезы?..

* * *

День прощальный, хмурый, межсезонный –
Осенью пахнуло как-то вдруг...
Скоро, скоро поезд многотонный
Увезет тебя далеко, друг.
Город древний – и родной, и темный –
Встретит и печально лишь вздохнет...
Снова день наступит беспокойный,
И тоска как будто отойдет.
Только изредка кольнет у сердца,
Жар воспоминания обдаст...
Оглянувшись, ты прикроешь дверцу...
Не грусти – увидимся, бог даст.

* * *

Вот уже – макушка лета,
Только солнца так и нету,

И надежду – жди-не жди –
Заливают вновь дожди...

Мы и в жизни нашей грешной,
Расточительной и спешной,
Лишь надеждою живем:
Мол, успеем, мол, споем,

Мол, увидим и узнаем,
Мол, полюбим, навестим!..
К солнцу, к морю – мы в дороге!
Глядь: уж осень на пороге...

* * *

Странный дождь в ноябре:
ведь ко сну приготовилось поле,
И, казалось бы, вечный покой
на природу уже снизошел..
Отголоском весны отозвался тот дождь,
но без боли –
Только смутным волненьем,
как в дом позабытый, вошел..
Он напомнил пять встреч
(не уйти нам от «круглости» чисел),
Оживил снова хронику
настоящих и бурных страстей:
Города, городки промелькнули
и скрылися в выси..
И любимые лица поглотит скоро век скоростей.

ЗИМА ПРЕДНОВОГОДНЯЯ

Загодя, за две недели,
будто к празднику готовясь,
опушила снегом ели,
башни целые построив.

Белоснежную дорогу
дворник чистит, чертыхаясь,
шофера свою тревогу
выражают, выражаясь...
Это все зима-хозяйка –
кому в радость, кому нет –
выложила без утайки
из запасов новый снег.
Мягкий-мягкий, белый-белый –
две недели уж кружит...
Снег записываем смело
в новогодний реквизит!

ГЛОТОК ЗИМЫ

Морозец знатный! В эту пору
как раз ему в природе быть...
Барсук залез поглубже в нору,
заснул медведь, замолкла выпь.
Лес, убеленный сединою,
притих, загадочно молчит...
Усердный дятел над корою
колдует, клювиком стучит.

Морозец знатный! Мерзнут губы,
приятно холодеет лоб...
Бояться ль путникам простуды –
уральцев кашель не берет!
Но, впрочем, мы не о здоровье –
о леса хладной тишине,
об удивительном узорье,
о бликах солнца в синеве.

Морозец знатный! Все – из дома,
скорей торить свою лыжню!
Вперед тропюю незнакомой,
еще, еще – навстречу дню!

Чтоб после праздников усталость
оставить там, в лесной глуши.
Глоток зимы – какая малость
и как же много для души!..

* * *

Осенняя гроза бывает редко:
Она, сверкая, застает врасплох,
Сбивает листья и ломает ветки –
И на мгновенье ты ослеп, оглох.

Ручьи несутся, очищая тропы,
И сразу вспоминаешь о весне,
Когда ты ждал раскатов грома, глупый,
И мокрый брел, свободный, как во сне.

Озон разлился и дышать приятно,
И мир вокруг, очищенный, блестит.
Ступить не можешь – ноги будто ватные,
Ты пьяно счастлив, и душа парит.

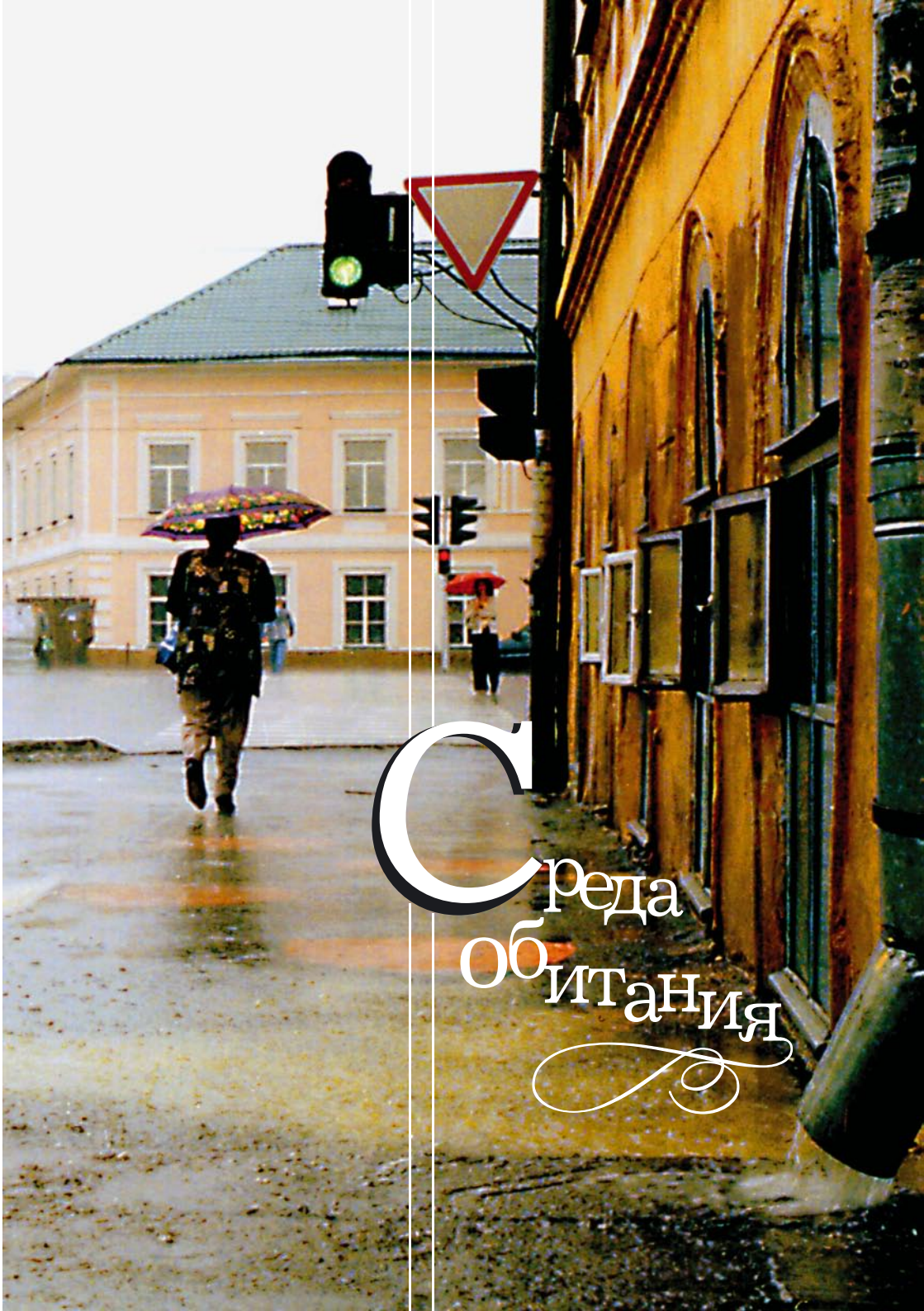
Что это было? Почему так сладко
И больно стало где-то там внутри?
Чуть тише, сердце!.. А рука, украдкой
Капель холодную с ресниц и губ сотри...

* * *

Погода капризна, погода вольна –
не знаешь, как утром одеться...
Вот солнце встречаю – стою у окна:
от радости некуда деться...
На улицу вышел – и вдруг ветерок,
вдруг тучи закрыли полнеба...
Погода вольна, и ей невдомёк,

что радость ушла до обеда...
Но в полдень нет солнца, к тому же и – дождь,
почти по-осеннему нудный...
Полгода денёчки весёлые ждёшь, –
но с нашей погодой так трудно...

Среда обитания

НОВАЯ ЭПОХА?

Я иду на почту, чую: обхамят –
переводик срочный выдать не хотят...
Как стена Берлинская, серый плексиглас,
в крохотном окошке – ох, недобрый глаз...
Я иду в сберкассу, но и там она:
перевертыш, что ли, или сатана?..
Я иду в больницу – чур меня: сидит!
Злая, неприступная баба-монолит.
В мастерской, в трамвае – в юбках и штанах –
маленькие люди позабыли страх,
то ль за то, что предок батогами бит,
нынешний Акаккий, как умеет, мстит...
То ль за то, что денег нету ни шиша –
только точит зависть сердце малыша...
Я ж не крал шинели, писарь дорогой,
я ж еще со школы за тебя горой,
я же тебя со сцены даже воспевал,
сострадал и плакал... И каков финал?
Мой далекий пращур был отнюдь не граф –
на кого ж ты злишься, новый Полиграф?
Черные одежды, брита голова –
новая эпоха, новая глава...

НО ПАССАРАН!

Опять противно капает из крана
и трубы вызывающе гудят –
вот почему встаю я очень рано
(к тому ж суставы старые болят).
Включаю телек, и просторы дома
расширились: несчастный Орлеан
привлек внимание (пусть спит супруга Тома) –
я за семью! Бьюсь со стихией там!
Меня за ногу прихватила кошка:
она – проглот, она все время жрет...
Что с потеплением глобальным? Из окошка
как будто из саванны жаром прет...
Отклеились обои – надо, надо

давно уж сделать в комнате ремонт!
 Но вот же сообщили, что Бен Ладен
 опять всем гадит... Все! Иду на фронт!
 Сносились обувь и часы не ходят –
 найти бы время и отдать в почин...
 Но мне же в Латвию, где русских бьют, и вроде
 там не хватает нашенских мужчин.
 В мешке – в кладовке – проросла картошка,
 компоты не закручены... Жена
 ворчит. Но я ж, как пахарь с сошкой,
 тружусь на ниве общества. Цена
 моих забот о мире без корысти
 и в сердце боль, и нервы – никуда...
 Но я в строю! И верьте, журналисты:
 Но пассаран! Навеки! Навсегда!

У КНИЖНОГО ШКАФА

Стоят на полках книги, стоят спокойно в ряд,
 под кожей обложек так многое таят...
 Впитав в страницы время и личности творцов,
 несут в себе ошибки и опыты отцов,
 нешуточные страсти нешуточных времен –
 трагедиями, драмами мой шкаф обременен...
 Как в комнате огромной, расселись тут и там
 Великий Дант и Пушкин, Дефо и Мопассан,
 Распутин и Думбадзе, Авижюс и Белов,
 Айтматов, Сулейменов, Владимир Соколов...
 Ведут беседу мирно на разных языках
 француз и англичанин, литовец и казах,
 шестнадцатый, двадцатый и двадцать первый век...
 Вот – главное богатство, не правда ль, человек?..
 Весь мир разнообразный на полках расселен –
 не белый и не красный, а многоцветный он.

В НАЧАЛЕ ДЕВЯНОСТЫХ...

Петрович был немного пьян, и, может, потому
 цедил презрительно слова и сплевывал во тьму...
 Мы на крылечке с ним вдвоем сидели, и вино

уже закончилось, но хмель командовал давно:
«Моя работа – не твоя: физический напруг!
Я вкальваю, как шахтер, – весь в жилах, как бурлак...
А ты, гляди-ка, тяжелей пера не поднимал –
костюмчик, галстучек, очки... А тут сплошной аврал!
Завод – не школа, за день так намаешься... Бензин,
мазут, солярка, солидол... Спасенье – магазин...»
И я молчал, ну что сказать Петровичу в ответ?
Что, мол, и я верчусь, как черт, и что здоровья нет,
что и учитель устает, а денег ни хрена,
что дети трудные пошли – работа, как война?..
И я молчал, я знал: завод уже давно не тот,
да что там, повернули так, что стал завод банкрот...
Сидит Петрович на крыльце
и топит злость свою в винце...

ТЕЛЕВИДЕНИЕ БЕЗ КОМПЛЕКСОВ

I
Было любопытно, стало нестерпимо
(эти телетуры просто в горле кость!) –
с Берега лазурного Франции любимой
к нам опять пожаловал новорусский гость.
И не может милый (или даже милая)
медленной улыбки на губах сдержать:
так приятно, видимо, чуточку лениво
Тур де Франс по телеку чинно совершать.
«Капитал прозрачный – бизнес от ткемали,
ни гроша наследства, ни халявных дач...»
(странно, почему же там не побывали
ни учитель школьный и ни детский врач?..
Возмутились местные: «Это стыдно, пошло –
если так богато, если напоказ...»
Вот и нам неловко, скажем прямо: тошно –
Всадники и Всадницы учат жизни нас.
Но раз выбор сделан – ветра им попутного,
(да затихнет злоба, да простит плебей)!
Как минует, Боже, времечко беспутное,
ты прости удачливых, сбереги детей.

всегда прямой маршрут).
В России – два народа:
один – идеалист,
другой – прагматик сроду,
материалист.
Один – в славянофилах,
другой же – в ЗАПАДне.
России оба милы?
Мы разные в родне...

РАЗГОВОР О ДЕНЬГАХ

- Деньги – простые бумажки, металл...
- Невероятная сила!
Кто им такое могущество дал,
мощь, посильнее тротила!?...
Холодно правят, весь мир покорив,
доллары, йены и тугрики –
с давних времен неизменный мотив:
злоты и марки, и рублики...
- Деньги – свобода, свобода пьянит,
делает дерзким, бесстрашным;
деньги – зовущий мираж и магнит,
клич дерзновенный и страстный!
- Деньги – коварный, безжалостный спрут –
нету ужасней уroda:
щупальцы скользкие, нрав его крут...
- Деньги, увы, – несвобода...

МЫ ОПЯТЬ ПОСЕРЕДИНЕ...

Пребываю в вечном сплине,
находясь посередине:
обложили дураками –
что над нами, что под нами...
Кто был в школе «на камчатке»,
тот завел свои порядки:
воду чистую мутит –
что ни лидер, то бандит!..
Покупает голоса

разноликая попса:
и в политике, и в деле,
и на Радио, и в Теле,
в закоулках, в кабинетах
нам от них спасенья нету...
Напролом ребята прут
и народец слабый бьют –
кто указом, кто заточкой...
Беспредел и заморочка!
Надоевшие портреты –
местные авторитеты...

МОСКВА – ВОРОНЕЖ...

Известный пиармен и телезавсегдатай
со снисходительностью как-то бросил мне:
«Хотя провинция умами и богата,
но все ж не подтянуться вам к Москве!».
И он был прав: действительно, проблемы
у нас такие – падай или стой...
Но только не понятна мне дилемма:
или – «хайвей», или – не стать Москвой...
У каждого, друзья, у каждого, поймите,
всегда свой путь, всегда своя стезя,
и сколько вы волчонка не кормите –
от леса не отвадите. Нельзя
навязывать другим свои уставы,
свои привычки, взгляды и расчет.
Да, – в общем, в целом – вы, конечно, правы,
но нам налево, а потом – вперед...
Что ж до Москвы, то это – город-праздник,
как и Париж, всегда живет со мной,
и надышаться, насладиться разве
мы можем ею – нашенской Москвой?!..

ИЗ ЦИКЛА «ТИПЫ И РОЛИ»

Когда больших талантов нет
и в жизни не было побед,
когда трудиться не горазд,

а славы хочется... Как раз
для тайного величия
помогут два отличия:
во всем всегда умеренность,
в самом себе уверенность.
Таких немало – резвых,
рассудочных и трезвых.

* * *

Маленький нечестный человечек,
хитрый, недалекий – никакой,
но одной способностью отмечен:
насыщается людской молвой...
Из нее плетет тихонько сети,
выжидая сладостный момент...
Тип знакомый, он, по сути, вечен: паучок!
Мишень? Интеллигент!..
То есть тот, кто к творчеству открытый,
кто правдив и златом не богат,
кто не любит, если из корыта незаслуженно –
в калашный ряд!..
Паучок невзрачный терпеливо подбирает
нужный контингент –
лучше всех подходит незлобивый,
ни на что не годный импотент.
Так что не вините насекомое,
что живет, как может... Почему?
Потому что – сильные, здоровые –
сами отдавали кровь ему...

* * *

Горе с гордым, горе гордым, гордый вечно одинок,
плохо гордому с собою – кто бы гордому помог?..
Гордый мнителен без меры и обидчив, и раним,
нетерпим, эгоистичен – как же жить негордым с ним?..
Только гордость не гордыня, за которой пустота,
за которой только мнимость, а действительность не та...
Настоящих гордых мало – мысли грустные гоню:
жили-были и пропали... Извели их на корню.

* * *

Нам близкого узнать несложно:

как шутит, как, простите, пьёт...

Но всё ж не сразу, осторожно сближаемся...

Как он поёт,

какие у него кумиры, во что он верует и что

на стенах вывесил квартиры, какое носит он пальто...

Всё мелочи и всё – серьёзно: как из песчинок монолит
сложился, рано или поздно слагаем образ. Внешний вид,
бесспорно, поначалу важен, но более – портрет души.

С ней незнаком? Тогда мы скажем:

смотри и слушай! Не спеши

к поспешным выводам. Узнаешь:

душа как хрупкое стекло.

Неосторожно с ним играешь? Побьётся вдребезги оно...

* * *

Есть люди по имени Против, есть люди по имени Нет:
как будто такие ж –

из плоти, но суть их одна – Пистолет.

Как будто бы не из железа – глаза есть и губы, и рот
(но видно же головореза, который и молча орёт...).

Он только с собою согласный,

он – первый, всегда на виду,

в правлении крайне опасный,

накликать готовый беду.

Он даже как будто начитан – умелый софист, демагог,
но злобой до края налитан –

для ссоры не нужен предлог...

Есть люди по имени Нате, есть люди по имени Я,
а надо б по имени Хватит и даже побольше – Нельзя,
по имени Дружба, Согласье, по имени Вместе Вперёд,
по светлomu имени Счастье

и с кратким названьем – Народ...

A photograph of a person fishing in a pond. The person is wearing a hat and dark clothing, standing in shallow water. A fishing rod is extended towards the water. In the background, there is a line of trees and a small building. The water is calm with some green algae visible. The title 'Взросле, как дети' is overlaid in a large, white, serif font. The word 'Взросле' is on the top line, 'как' is on the second line, and 'дети' is on the third line, with a decorative swirl around the 'д' in 'дети'.

Взросле,
как
дети

* * *

Отличный парень Креатив:
Он возвращает девам силы!
Беспечный, бесконечно милый –
Как незатейливый мотив...

Чудесный парень Креатив:
С ним чувствуешь движение крови
И ощущаешь прелесть нови,
Младой энергии прилив...

Хороший парень Креатив:
Не ждет серьезных обязательств,
Каких-то нудных доказательств...
Он прост – как фотообъектив.

Нормальный парень Креатив:
Расстаться можно без упреков
И, ограничившись намеком,
Сдать впечатления в архив...

* * *

Если ты родился мужиком –
Будь готов к серьезным испытаниям.
Мальчиком иль древним стариком –
Привыкай к упрекам и страданиям...
В детском садике не должен ты шалить,
В школе не имеешь права драться
(Но при этом, как же сильным быть,
Мужиком коль хочешь называться?...).
Не ругаться и совсем не пить,
И любить одну свою супругу,
А еще не надо бы курить,
Все прощать и недругу и другу...
Не болтать, не жадничать, не слыть
Гордецом, а также грубияном...
Верно все, и, вроде, нечем крыть –
Подпишусь, но только сильно пьяным...

* * *

Как хорошо жить толстокожим:
Спокойным от природы быть,
Не реагировать на рожи,
Не нервничать и не спешить...

Еще прикольной – пофигистом
(Его ничто не достает).
Лафа нештатным журналистам –
Гуляй все ночи напролет...

Как славно жить вне распорядка:
Лишь в полдень покидать кровать,
Лениво думать, что зарядка
Ведь тоже может напрягать...

Он наделен талантом разным –
Небритый, разбитной народ.
Желанье стать таким же праздным
И к нам приходит, но раз в год...

* * *

Как хорошо спокойно жить,
Спокойно есть, спокойно пить,
Спокойно раненько вставать,
Постель спокойно убирать,
Сходить спокойно в туалет,
Спокойно сделать марафет,
Посуду грязную помыть,
На службу не спеша отбыть...
Спокойно отвечать жене,
Поправить фото на стене,
Спокойно просмотреть газеты,
По телевизору сюжеты –
Спокойно, как и все, стареть.
К утру спокойно умереть...

* * *

Звуки «скорой», лай собаки,
Дворничиха вновь орет
(С алкашем у них до драки
Вновь дискуссия дойдет)...

Где-то музыка играет,
Где-то песенки поют:
Город трудно засыпает –
Молодые не дают...

Мне бы выбраться на дачу,
Где покой и лепота,
Где душевных сил не трачу –
Отступает суета...

Где тюльпаны и пионы
И калина бульдонец,
Где – без копоти, бетона,
Без бензина, шума без...

Голос трактора чарует,
Озонирует компост...
Душу дача формирует,
В ней – залог метаморфоз!

* * *

Тятя, тятя! – плачут дети,
Смотрит жалобно студент...
Вот такие наши сети,
Вот такой у нас момент.

Подпись требует коллега,
К телефону – ректорат...
Так с утра и до обеда,
И до ночи... Сам не рад.

По рассказам помню речку,
А по песням – лес и луг...
Я поставлю Богу свечку,
Если даст мне пять минут...
Лучше – час, неделю, месяц.
Вот когда я развернусь!
Славлю лень! Вина и песен!
Через тридцать дней вернусь!..

ПИОН И РОЗА

«Удивительный все-таки цветок – пион. Царственная роскошь его бутонов обидно недолговечна. День-два, и розетки осыпаются. Как это несправедливо! Весь год он копит силы, наливается соками земли. Вбирает солнечную энергию, потом разом вспыхивает мощным розовым пламенем, которое так же стремительно опадает, лепестки словно обугливаются, становятся коричневыми, да и сочные листья мало-помалу начинают подсыхать, к концу лета они уже совсем пожухнут. А вот розы цветут непрерывно с июня по ноябрь. Но зато они без запаха. У пиона же аромат редкостный, пьянящий...»

Из наблюдений опытного садовода

Пион был простак. Не пижон:
Не лез без причин на рожон,
Не метил Пион в чемпионы,
Скромнен был с рационом,
Со всеми жил в унисон,
Вносил свой вклад в озон,
Который давал газон...
(Прошу, конечно, пардону,
Но не был пион Аполлоном...).
Впрочем, так, соблюдая законы,
Отдавая ветрам поклоны,

Сезон за сезоном,
Жили сотни простых пионов.
И вот, не чуя угрозы –
за исключением морозов,
Цвел спокойно Пион,
Пока вдруг...
(И это вовсе не сон,
Это вовсе не грезы!),
Пока не увидел вдруг Розы...
Сначала он был удивлен,
Потом восхищен, изумлен,
Смущен, оживлен, просветлен...
Влюбился наш бедный Пион!
И вмиг его скромный бутон
Вспыхнул розовым: пламя!
И стал он уже не смешон:
Стоял Пион гордый, как знамя...
Но холодная Роза надменно
Лишь охорашивала лепестки –
Она, недоступная, неизменно
Презирала другие цветки
(Не знал наш Пион, что был обречен)...
Как всякий неискушенный влюбленный,
Сначала он стал раздраженным,
Потом удрученным,
И наконец – изможденным...

В финале – грустная проза:
Не полюбила Роза.
Увял наш Пион. Но стона
Не дождались от Пиона...

* * *

Солидные дамы сидели в джакузи
(Уютно журчала меж ними вода) –
Одна много лет проработала в вузе,
Другая в театре блистала всегда...

Вели разговор – и приятный, и праздный –
О них (ну, конечно, о них!) – о козлах:
«Какой же мужчины народ безобразный –
Небриты, пропиты и в мятых штанах...»

«И я удивляюсь: откуда, откуда
Они – толстобрюхи и крайне грубы?!..
Был мальчик – ну ангел, ну прелесть, ну чудо!
И вдруг – просто хам, порушитель судьбы!!!»

В соседней парилке – размякшие двое
(С телес тяжело опадала вода),
Один – бизнесмен, порицатель застоя,
Другой среди местных был шоу-звезда:

«Ведь помню дружил я с чудесной девчушкой:
Косички и глазки, и мед-голосок... –
Пивца, прерываясь, хлебнувши из кружки,
Он грустно добавил, – Ушло, как в песок...»

Теперь – только ор и лишение зарплаты:
«Не пей! «Не гуляй!» и «К друзьям – ни ногой!».
«Они – генералы... А мы – лишь солдаты:
Стоишь... Нет, беги! Побежал... Ну-ка, стой!»

Но вот завершился сеанс «терапии»,
И с потом рабочим их страсти ушли...
Уже в раздевалке: «Готова я, милый!»,
И к выходу пары, воркуя, пошли...

* * *

Generation – это теория
(Нейли, Вильям* – спасибо вам!):
Жизнь страны и свою историю
Представляю я по годам...

Нет, не возраст скрепляет узы.
Да, не возраст, а та среда
И семья – воспитанья вузы,
Остальное все ерунда...

Нет, не знал, что я – чистый бумер:
Третьим числюсь среди пяти,
Папа – в первом. Он рано умер,
А второе еще в пути.

Малыши – в поколение Игрек,
Старший – Икс. Вот такая задача...
Жизнь как формула? Да, привыкнем:
Мы и годы. И Время, значит...

** Теорию поколений в 1991 году разработали американские социологи Нейли Хоув и Уильям Штраус, выяснившие, что важнейшими факторами, определяющими мышление и действия поколений, являются не возраст, а два других параметра. Первый – среда, в которой человек рос до 10-12 лет, второй – нормы воспитания в семье. В сегодняшней России – 5 поколений, условно называемых «детьми революции», «молчаливыми», «бумерами», «поколениями X и Y».*

ФУТБОЛ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Магнит глобального масштаба,
биологический мотив,
инстинкт, потребность и отрада...
Самолюбив, честолюбив!
Награда смелым, горделивым,
трудолюбивым, терпеливым,
сметливым, в меру шаловливым,
ну и, конечно же, счастливым,
орущим во все горло: «Гол!!!» –
Его величество Футбол.

Как в малой капле живо море,
так в этой праздничной игре
характер нации – поспорим! –
все ж отражается вполне.
Одни логичны и упорны,
другие яростно моторны
и артистичны, и проворны,
а третьи лучшие бесспорно
во всем, и тренер их – орел!
Все это, граждане, – Футбол!

Такое странное явление:
бумага-лакмус, реактив...
Всех черт прекрасных проявление
и безобразный негатив...
Он – будто разум коллективный,
бурливый или неактивный...
Игра? Согласен. Но не только...
Падений, взлетов, жизней сколько
пересчитал, перемолол
Его трагичество Футбол!

Не новой кажется нам мысль:
Футбол – судьба. Да просто – жизнь...

О ПРОСТОДУШНЫХ И ПРОСТОДУШИИ

Что за слово – «простодушный»?
Это значит – глуповат,
всем влияниям послушный
и безвинно виноват?..
Это если нараспашку,
это если мысли вслух,
если жить и думать тяжело,
коль к несчастьям не глух?
Если искренен без меры,
если громок и речист,
принимаясь все на веру,
то есть чист, как белый лист?

Поищи таких Кандидов –
только в книжках и в кино...
Нынче простодушен с виду,
а внутри, увы, г...
Слово гадкое, конечно,
но великий наш язык –
не всегда библиотечный,
он богаче всяких книг.
Отучились люди верить,
и с опаской за спиной
терпят спутника – проверить
стоит: свой или не свой?..
Вот и нету простодушных
или мало, а без них
как же плохо, как же скучно!
Вот и грустен этот стих...

ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН

Женщины ропщут: «Нас мало во власти,
дискриминируют нас мужики,
стало бы меньше в России напастей –
будь избиратели не дураки...
Мы ведь и сеем, и роем, и пашем,
моем и варим солянки и каши,
шьем, утираем детишкам носы –
вы ж усмехаетесь только в усы...»
Женщины жаждут матриархата,
просто мечтают стреножить коня,
страстно желают в горящую хату
впрыгнуть, спасая мужей от огня...
Милые, славные, нежные дамы,
власти у вас и сейчас через край –
в мире подлунном победы и драмы
только от вас: вы – наш ад и наш рай...
Спикер-политик лишь рот открывает,
но ведь слова-то не он выбирает –

* * *

86

* * *

Ну и немцы! Лапидарность, точность,
сухость и расчет?

Ну и немцы! Вот не думал – кто теперь их разберет...
Немцы – строгие ребята (просто так не подходи)
про любовь сказали чудно: это – бабочки в груди!
Как же точно, как же метко –

испытавший все поймёт:
это сладкое томление, что у нас в груди живёт,
это трепет и волнение нежных разноцветных крыл –
прилетели, обманули,
промелькнули, след простыл...
Но опять вернулась стайка и опять колышет грудь...
Это чувство, эту радость, эту нежность не забудь!

* * *

И вот опять 8 марта,
и, значит, надобно опять,
как будто в школе сесть за парту
и – сочинение писать...
Привычна тема: мамы, дочери,
подруги, милая жена
(вот тут бы и поставить точку,
поскольку мысли не идут)...
Но пересилю раздражение
и жжение где-то там в груди –
еще придется дерзновенно
по жизни вместе нам идти...
Что ценят в девушках ребята,
что ждут от них озорники?
Порыв восторженный? Когда-то
и я так думал, мужики.
С годами организм слабеет,
но крепнет почему-то ум:
теперь он отделить умеет
от слов любви словесный шум.

И скажем больше: в наши лета
важнее даже не слова –
на фоне язвы, диабета
нас больше трогают дела,
нас больше трогает вниманье,
простые мелочи – да-да!
Лежишь, допустим, на диване,
и вдруг на столике – еда!
Ты встал поутру раздраженный
(бывает так, мой милый друг)
и замечаешь полусонный:
рубашка выглажена вдруг!
Просушены твои ботинки,
постиран носовой платок,
костюм, как новый, из починки –
в кармашке беленький цветок...
О, в этот миг мы все прощаем:
забыты скалка и вражда,
и твердо тут же обещаем:
мол, всё, навеки, навсегда!
О, мало как мужчинам надо,
о, много как получишь ты!
Вечерний поцелуй в награду
и в праздник нынешний – цветы!

* * *

Люблю, признаюсь, с давних пор мужской хоро-
ший разговор
под рюмку водки и нехитрую закуску...
Когда долой заботы с плеч, но о серьёзном будет речь –
типичный трёп по-нашенски, по-русски...
Когда горячий разговор напоминает ярый спор,
когда всё искренне, когда почти до драки,
когда все темы нам с руки –
ведь мы отнюдь не дураки! –
а на кону святая быль, а, может, враки...
Когда решаются на раз все судьбы мира – экстрa-класс

Н
а
броски

Что же в жизни нашей происходит –
Видно, скорость века увлекла:
Мимо главного порой проходим,
Мимо вечного – дела, дела, дела...

Мимо, мимо города и страны...
На ковер! И – схватка, и – туше!
Стало много на проспектах храмов,
Мало храмов строится в душе...

Прошрое боготворим,
Ждем с опаской день грядущий,
Презираем что творим,
Добывая хлеб насущный?..

Молчит огромная Россия –
В свою печаль погружена.
Молчит огромная Россия,
Молчит огромная страна...

И тихо, кроткая, страдает,
Надеждой тайною живет,
Она все видит, понимает,
Она – любимый мой народ.

Все обязательно уйдем,
И это каждый знает.
Не знаем – как, когда и с кем...
И это всех сближает.

На Вас я не держу обиды,
Но не вернуть того уж дня...
Прошли меж Сциллой и Харибдой
И... не узнали Вы меня.

Не обижай меня без нужды –
Пройдет сердитая пора...
И вновь захочется нам дружбы,
И пожалею о вчера...

Небо – цвета берлинской лазури,
Солнце бликует на стеклах окон...
Руки раскинув, глаза зажмурив,
Шепотом славлю природы закон...

Потеплело, и робкая зелень сирени
Вмиг проклюнулась на кустах.
Но опять ветер, дождь...Жди теперь изменений –
У природы особый замах.

Мы весною живем ожиданием лета
И тоскуем по счастью, добру,
И робеем, и верим счастливым приметам –
Мы мудрее всегда поутру...

Где же тот душевный разговор,
это неподдельное волнение,
где же вечный, но желанный спор,
что скрывает вечные сомнения?..

Может, и молчанье говорит
(правда, звук его все глуше, глуше)?
Что еще тот огонек горит –
теплый, согревающий нам души...

Будь ты порядочного роста –
Стать фотомастером непросто!
Но мастер фото Юрий Рост
Совсем не прост, совсем не прост...

Глухая боль, обида и печаль –
Следы недавней жизненной потери...
Того, что было, очень-очень жаль,
Того, что не случится, – в больше мере...

Я довольный замычал,
даже радостно замекал:
Ведь назвали молодым,
и к тому же – человеком!..

Всматриваясь, вглядываясь в лица
и рисуя губы и глаза,
можно незаметно и влюбиться,
поражаясь красоте лица.
Как же прихотливая Природа сколдовала,
милая, тебя,
сохранив исконную породу и еще добавив от себя!..

Человек – не флейта, он сложнее
(и на флейте сразу не сыграть)...
Глупо думать: мол, смогу, сумею
укротить, упестать, навязать...
Человек – не флейта... Его тему,
уникальный музыкальный ряд,
его жизни сложной теорему
не решить... И даже наугад.

Танец – язык любви, танец – язык движения:
я прикоснусь и ты даришь прикосновение...
Танец – лицом к лицу, танец – переплетенье
наших с тобою рук, наше с тобой сближение.
В танце свои слова, в танце свое значение –
Время вбирает он. Каждое из мгновений...

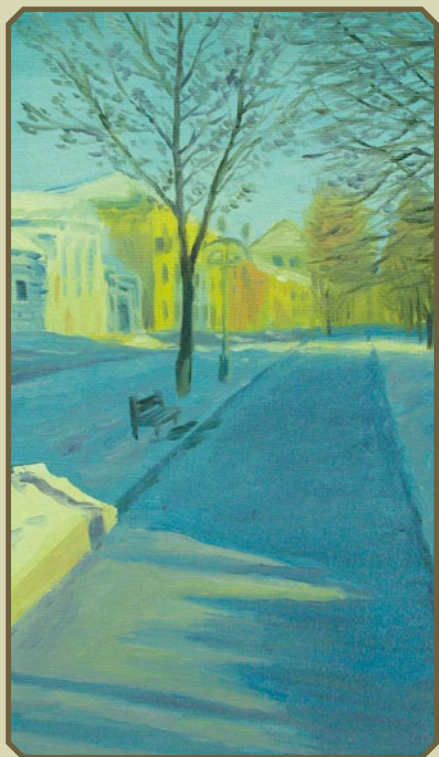
Что ценим в вас? Конечно, нежность,
конечно, женственность и шарм,
таинственности бесконечность,
секрет улыбки, божий дар
манить к себе... Обожещаем
природы вашей магнетизм
и тайно ль, явно, но желаем
ответить на любой каприз...

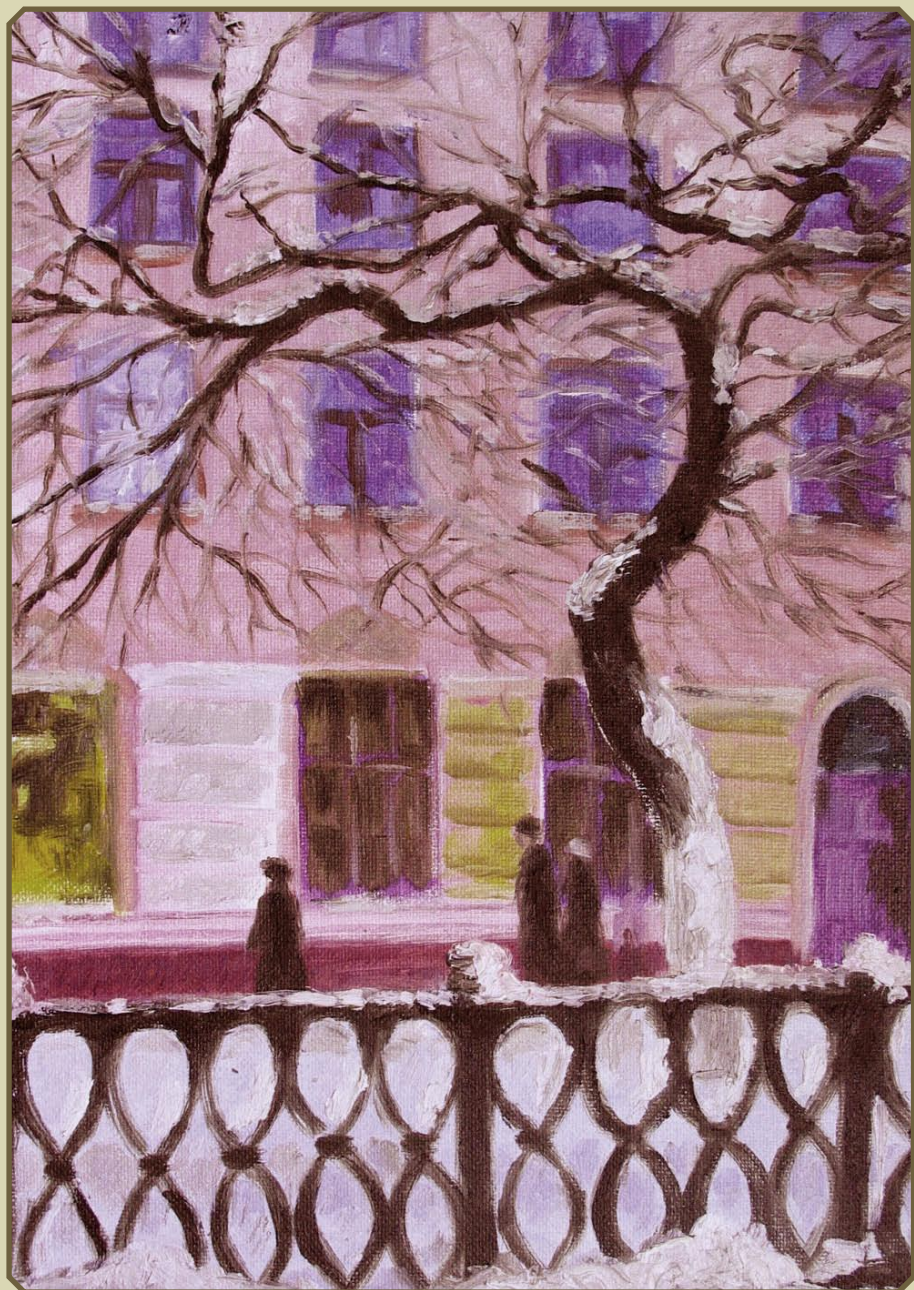

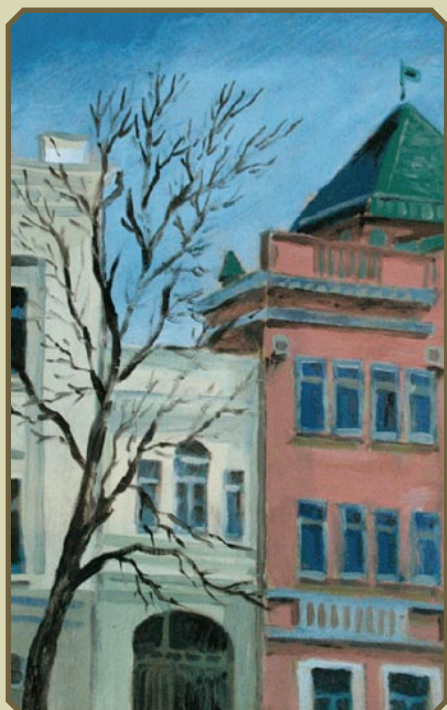
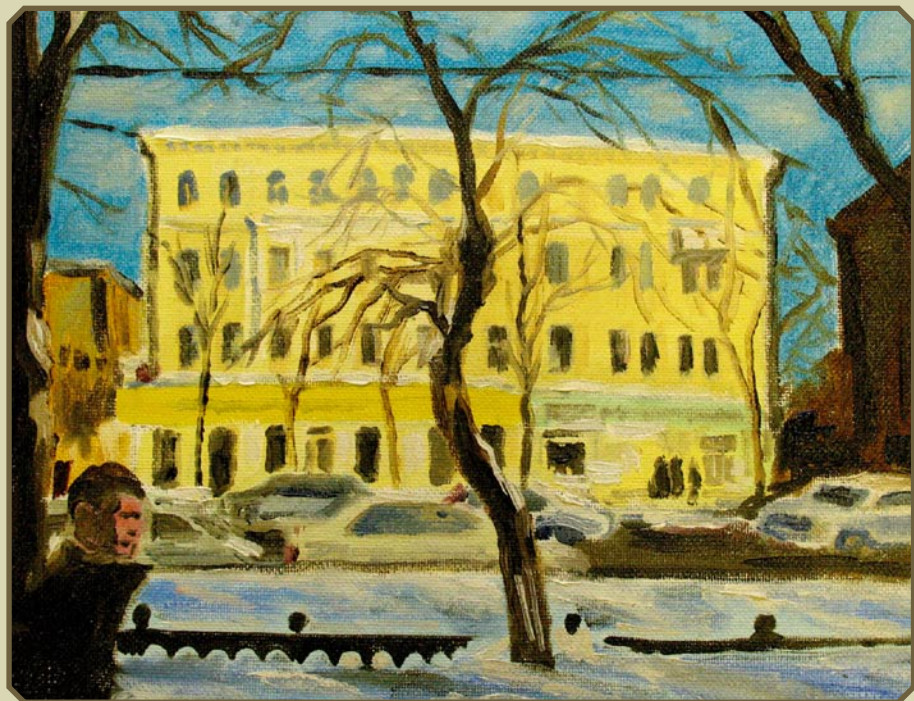
«Любите
живопись,
поэты!»

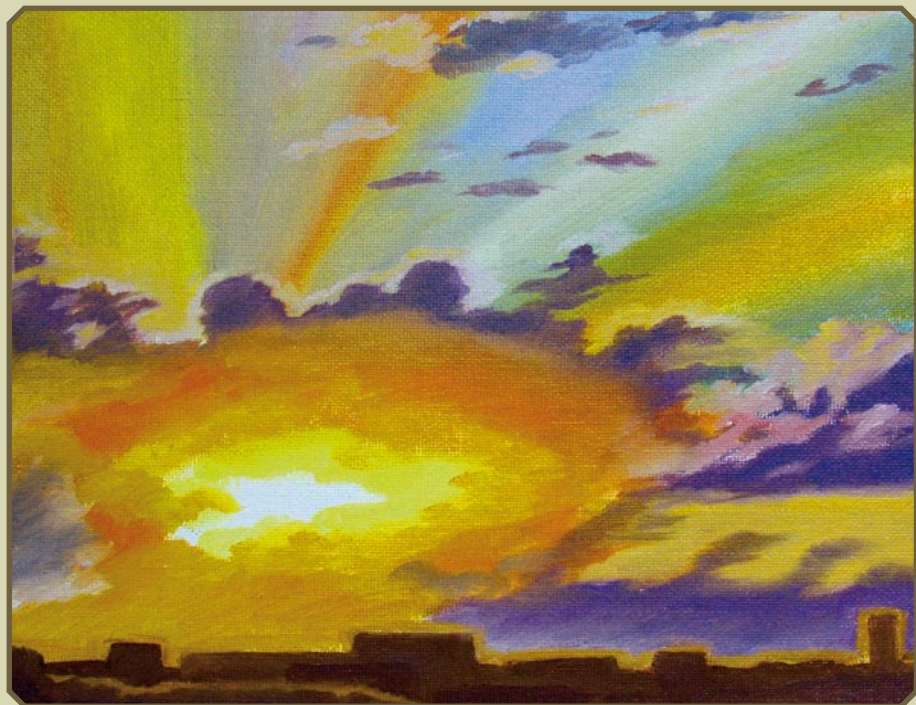

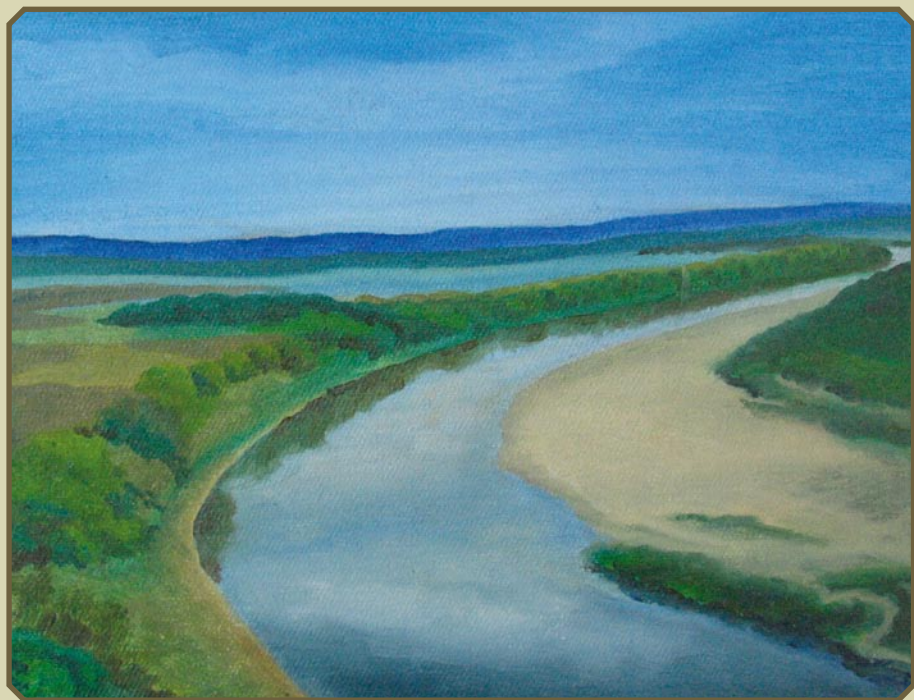

КРИТИКУ

Мой строгий критик – вот стою я голый
и вечно виноватый пред тобой,
мне есть что защищать, но я комолю
к тому ж и недоволен сам собой...
Мой важный критик преисполнен знанья,
сознания, что он непогрешим,
и все мои мучения, старанья –
пустые хлопоты перед ним...
Мой грозный критик в скепсисе холодном
нередко тонко изощрён:
«Исполнил дело: можешь быть свободным –
от созданного отчуждён...
Теперь-то я стихам твоим, картинам –
судья, любезнейший творец.
Ты можешь предаваться, братец, сплину
иль бросить дело наконец!
Зачем писать, коль в прозе есть Толстые,
мне искушённому поверь:
все – мотыльки, а не мессии –
так что гордыню поумерь...»
Бесспорно, важно знать таланта меру,
великое держа в уме,
но так же важно преданным быть делу,
пусть даже спотыкаясь в полутьме...
Чтоб оживлялись огоньки в дороге,
чтоб одинокому шагало в сласть –
не предаваться же тоске-тревоге...
На то и Божья власть.

СОДЕРЖАНИЕ

Наедине	3
Из дневника	23
От рассвета до заката	37
В дороге	47
Времена года	53
Среда обитания.....	65
Взрослые, как дети	75
Наброски	91
«Любите живопись, поэты!».....	97

Серия «Библиотечка журфака»

Художественное издание

Владимир Тулунов

Здравствуй, грусть!

Стихотворения и живопись

Второе издание,
исправленное и дополненное

Макет: *Евгений Ярцев*

Фотографии: *Алексей Колосов*

Издание выполнено в типографической лаборатории
факультета журналистики
Воронежского госуниверситета
Телефон/факс: (4732) 13-17-56
E-mail: dean@jour.vsu.ru
Web-сайт: www.jour.vsu.ru

Подписано в печать 26.07.06. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Journal

Тулунов В.В.

Здравствуй, грусть! / Владимир Тулунов. – Воронеж:
Факультет журналистики, 2006. – 112 с.

ISBN 5-7266-0089-4